Алёна Эвердин

Платье с чужого плеча

Алёна Эвердин

Платье с чужого плеча

«Автор»
2026

Эвердин А.

Платье с чужого плеча / А. Эвердин — «Автор», 2026

Примерить чужое старинное платье глухой ночью в офисе было ошибкой. Но куда большей глупостью оказалось пятиться к двери, пытаясь зацепить заклинивший крючок о латунную ручку.Короткий треск искры, грозовой разряд — и я падаю на ледяной каменный пол чужого подвала.В руках садящийся телефон, на шее колючее кружево, а надо мной стоит ошалевший незнакомец со свечой. В его огромном доме царит первозданный хаос: вековая пыль, сбежавшая прислуга и хозяин, который понятия не имеет, что делать дальше. Он растерян. Я в бешенстве, потому что не могу расстегнуть проклятый корсет.Мы договариваемся: я помогаю ему разгрести этот бардак в обмен на кров и молчание. Главное теперь — не придушить друг друга в процессе.

© Эвердин А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 13
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Алёна Эвердин
Платье с чужого плеча

Глава 1

Часы на стене переговорной показали двадцать минут второго ночи. В пустом опенспейсе гудел кондиционер, гоняя по кругу сухой, пахнущий пластиком холод. За панорамными стеклами сорок второго этажа расплывалась ночная Москва: серые ленты эстакад, мокрый асфальт и желтая россыпь фар, утопающая во мраке.

Алина шумно выдохнула и с силой провела ладонями по лицу. Кожа под пальцами казалась горячей и сухой. В девять утра в эту дверь зайдет заказчик — напыщенный ресторатор, открывающий флагманское заведение в историческом стиле. Он требовал подлинности во всем, от чугунных сковородок до гардероба администраторов. А реквизитор заявился только к полуночи, швырнул на диван черный кофр и сбежал, бросив на ходу, что платье найдено в закрытой частной коллекции и стоит как бюджет небольшой провинциальной свадьбы.

Чехол лежал на кожаных подушках, источая въедливый, душный запах старого чердака, пыли и сырости.

Алина дернула бегунок молнии. Внутри глухо блеснул тяжелый, плотный жаккард оттенка потемневшего от времени шампанского. По подолу шла глухая золоченая нить, а лиф оказался несгибаемым, с ребрами из жесткого костяного уса.

— Ну и как живой человек должен в это влезть? — вслух спросила она пустоту офиса.

Актриса, нанятая для завтрашней презентации, была крупнее Алины в плечах. Если ткань затрещит при клиенте, виновата будет не костюмерная служба, а Алина — как ведущий координатор проекта.

Злость на безответственного снабженца пересилила усталость. Алина стянула через голову рабочий свитер, оставшись в майке, быстро расстегнула и скинула джинсы. Кроссовки и короткие белые носки снимать не стала — пол в переговорной был холодным. Она шагнула в пышный колокол юбки, ухватившись пальцами за плотный пояс.

Ткань оказалась ледяной и тяжелой, будто под шелк подшили слой свинцовой дроби. Подол с сухим шорохом рухнул к ногам, закрывая белые носки кроссовок.

Алина просунула руки в узкие проймы. Лиф тут же сомкнулся на ребрах, как тиски. Вдоль позвоночника тянулся ряд мелких кованых крючков из шершавого темного металла. Без посторонней помощи застегнуть такую конструкцию было чистым безумием, но Алина попыталась. Вывернула руки за спину, нащупала жесткую тесьму, свела лопатки. Пальцы соскользнули. Металл больно оцарапал подушечку пальца.

— Да чтоб тебя, — процедила она, пробуя снова.

Нижний крючок зацепился за петлю с сухим щелчком. Второй встал намертво. Алина попыталась сделать вдох, но жесткий костяной каркас сдавил грудь так сильно, что воздух застрял в гортани. Она дернула ткань еще раз, и крючок заклинило окончательно: ни расстегнуть, ни сдвинуть дальше.

В глазах на секунду потемнело от нехватки кислорода. Стало по-настоящему жутко. Пустая стеклянная башня, глухая ночь, а она заперта в старинном каркасе и задыхается на сорок втором этаже.

Алина приподняла тяжелый подол обеими руками, сделала мелкий шаг, другой, едва переставляя ноги в кроссовках. Напротив стола находилась дверь в небольшую серверную. У этой двери была тяжелая латунная ручка с острым угловатым краем. Старый женский трюк: зацепить заклинивший замок за выступ и дернуть корпусом вперед.

Она дошла до двери, развернулась спиной и прижалась лопатками к холодному полотну. Нащупала выпирающий металл ручки, просунула застрявшую тесьму и резко подалась вперед.

Снаружи ударил гром.

Звук был такой силы, словно прямо над крышей небоскреба взорвали фугас. Жалюзи на окнах затрещали. В стекло плеснуло белой, ослепляющей вспышкой. Кондиционер жалобно взвизгнул, свет офисных ламп моргнул и погас.

В ту же секунду воздух вокруг Алины стал густым и едким. Пахнуло жженой проводкой и озоном. Волосы на затылке зашевелились от дикого статического разряда, а между латунной дверной ручкой и коваными крючками на ее спине с треском вылетела синяя искра.

Алину рвануло назад с такой силой, будто кто-то схватил ее за шнуровку корсета и дернул в темноту.

Звук грозы пропал. Гул города оборвался, словно перерезали провод.

Офисный пол под ногами просто исчез. Алина взмахнула руками, запуталась подолом в собственных кроссовках и рухнула плашмя. Удар пришелся на колени. Под ними оказался не ламинат, а мокрый, щербатый, ледяной булыжник.

Острая боль прошила ноги от чашечек до бедер.

— Твою же мать!.. — вырвалось у нее с хрипом.

Она замерла на четвереньках, судорожно хватая ртом ледяной воздух. Воздух горчил. Пахло не офисом, не пластиком и не грозой. Тянуло сырой землей, прокисшей брагой, застарелой гарью и плесенью. Вокруг стояла абсолютная, плотная тьма. В правой руке что-то твердое давило на пальцы. Она опустила взгляд: в кулаке был зажат смартфон. Схватила со стола в последний миг, на автомате, когда пятилась к двери.

Палец нажал боковую клавишу. Экран полоснул по глазам резким белым светом.

Сети не было. На сером поле горел перечеркнутый значок связи и тридцать девять процентов заряда.

Алина медленно повела лучом вокруг себя. Луч уперся в сводчатый потолок из грубого дикого камня, поросший черным налетом сажи. Вдоль стен громоздились штабеля рассохшихся бочек со ржавыми обручами и трухлявые ящики. Ни окон. Ни дверей. Сзади, где только что была серверная, темнела глухая каменная кладка, по которой сочились тонкие струйки конденсата.

— Бред, — прошептала она. Голос в каменном мешке прозвучал неестественно звонко. — Это обморок. Гипоксия. Сейчас отпустит.

Сверху, прямо над ее головой, тяжело скрипнула половица.

Алина замерла, боясь сделать вдох. Скрип повторился: неторопливые, тяжелые шаги по доскам. Спустя секунду в дальнем углу подвала лязгнула железная защелка. С легким стоном приоткрылась низкая дубовая дверь, и по крутым каменным ступеням вниз потек колеблющийся желтый свет.

Появились сапоги из грубой кожи, перепачканные подсохшей глиной. Выше — заношенные суконные штаны и темный жилет, надетый прямо на мятую льняную рубаху.

Человек спускался боком, пригибая голову, чтобы не удариться о каменную притолоку. В руке он держал глиняную плошку с коптящим фитилем. Пламя плясало от сквозняка, освещая темную трехдневную щетину, прямой нос и запавшие глаза человека, который выглядел так, будто не спал трое суток подряд.

Мужчина спрыгнул с последней ступеньки на камень, повернулся в сторону бочек и застыл.

Свет коптилки упал на Алину. Она сидела на грязных камнях в роскошном бальном платье из золотистого жаккарда, с голыми плечами, торчащими из-под подола кроссовками и светящимся экраном в побелевших от холода пальцах.

Они молча смотрели друг на друга несколько секунд. Мужчина медленно моргнул, словно надеялся, что видение растворится само собой.

— Какого черта... — наконец хрипло выдавил он на странном, глуховатом наречии, но смысл слов отпечатался в голове Алины с пугающей четкостью.

Он шагнул вперед, поднимая плошку выше, и в этот момент на его лице растерянность сменилась глухой, бешеной яростью. Взгляд незнакомца намертво впился в золотое шитье на лифе ее платья.

— Откуда у тебя это? — его голос сорвался на опасный, низкий шепот, а свободная рука метнулась к широкому кожаному поясу, на котором висел короткий охотничий нож в потертых ножнах. — Кто подослал тебя в замок, тварь? Отвечай, пока я не перерезал тебе горло прямо на этих камнях!

Глава 2

Холодная сталь ножа блеснула в неровном свете фитиля. Мужчина шагнул вперед, сокращая расстояние, и в его позе не было ни капли неуверенности. Он был готов к удару.

Алина не успела испугаться ножа. Ее мозг, перегруженный нехваткой кислорода и болью в расшибленных коленях, зацепился за самое насущное. Корсет врезался в ребра железным обручем, не давая набрать в легкие даже жалкого глотка воздуха. Перед глазами уже плавали серые мушки.

— Сдурел?! — прохрипела она, выставив вперед ладонь с зажатым телефоном. Яркий белый экран полоснул мужчине прямо по глазам. — Расстегни! Быстро! Я задыхаюсь, идиот!

Незнакомец отшатнулся от ослепительного луча, заслонив лицо предплечьем. Рука с ножом дернулась в сторону.

— Что это за колдовство?.. — глухо рыкнул он, щурясь сквозь пальцы.

— Корсет заклинило, глухой ты придурок! — Алина, не дожидаясь ответа, с трудом поднялась на ноги, путаясь в тяжелых шелковых складках, развернулась к нему спиной и ткнула лопатками прямо в воздух перед его носом. — Крючок! Внизу! Сорви его, иначе я тут сдохну раньше, чем ты рот откроешь!

Секунду за ее спиной стояла мертвая тишина. Слышно было только, как с потрескиванием коптит масляный фитиль и капает вода где-то в углу подвала. Напор взбешенной женщины, тычущейся спиной в лезвие ножа, сломал ему весь сценарий расправы.

— Ты… не из гильдии? — голос мужчины прозвучал уже не так уверенно, с легким замешательством.

— Из какого, к черту, профсоюза?! — рявкнула Алина, чувствуя, как немеют пальцы на руках от удушья. — Рви, говорю!

Он грубо ухватил ее за плечо, разворачивая чуть боком к свету коптилки. Пальцы у него были жесткими, как тиски, сквозь тонкую бретельку майки обожгло шершавой, мозолистой кожей. Нож он убрал обратно в ножны — короткий щелчок металла о кожу прозвучал в сырой тишине подвала удивительно отчетливо.

— Не вертись, шею сверну, — бросил он сквозь зубы.

Его пальцы легли на кованую тесьму у нее на пояснице. От мужчины резко пахло конским потом, застарелым табаком и горькой полынью. Алина замерла, сжав зубы, чтобы не взвизгнуть: холодные металлические крючки натянулись, вспарывая шелк и врезаясь прямо в кожу под майкой.

— Кто вообще застегивает фамильный лиф на встречную петлю? — раздраженно пробормотал он. — Тут ковка ручная, заклинило намертво.

— Да мне плевать, режь его к чертовой матери!

— Резать шелк Адельхейдов? Ты в своем уме, девка?

Он с силой поддел нижний крючок ногтем большого пальца, уперся коленом в ее бедро для рычага и резко дернул вбок. Металл жалобно звякнул. Петля разогнулась, ткань с глухим треском разошлась вдоль позвоночника, и жесткий костяной панцирь мгновенно потерял хватку.

Алина со всхлипом втянула сырой подвальный воздух. В легкие будто плеснули кипятком. Закружилась голова, ноги в кроссовках подкосились, и она тяжело осела прямо на трухлявый деревянный ящик у стены. Ящик угрожающе затрещал, но выдержал.

Мужчина отступил на шаг, не сводя с нее тяжелого, колючего взгляда. Подсвечник в его руке дрожал, бросая пляшущие тени на высокие скулы и темные провалы глазниц.

— А теперь говори, — произнес он очень тихо и холодно. — Медленно и разборчиво. Как ты протащила сюда реликвию из опечатанного северного крыла? Кто открыл тебе переходную галерею? И что это за бесовская склянка у тебя в руке?

Алина сидела, опустив голову между колен, пытаясь унять бешеную дрожь в руках. Мысли путались, сбиваясь в лихорадочный ком. Никакой это не сон и не обморок. Камень под ногами был слишком мокрым и холодным, запах тухлой браги слишком тошнотворным, а пальцы этого ненормального держали ее за плечо слишком больно и реально.

Она подняла телефон. Экран снова вспыхнул. Батарея — тридцать семь процентов. Ни одного деления сети.

— Это смартфон, — хрипло сказала она, глядя снизу вверх на незнакомца. — В нем фонарик. И я ничего не крала. Я была в Москве. В башне «Федерация». На сорок втором этаже. Примеряла это дурацкое тряпье перед сдачей проекта. Потом ударила гроза, заискрила ручка двери, и я вывалилась сюда.

Мужчина слушал ее с каменным лицом. Ни один мускул не дрогнул на его заросшей щетиной физиономии. Только брови медленно поползли к переносице.

— Мос-ква? — по слогам повторил он, словно пробовал на вкус незнакомый яд. — Что за чушь? Это земли графства Эдельвер, восточный предел. До столицы три недели конного пути через перевалы.

— Какое графство?.. — Алина медленно обвела взглядом сводчатый потолок, замшелые углы и самого хозяина в его нелепом жилете. В груди противно потянуло. Холодная, липкая волна паники наконец пробила защитную ярость. — Ты шутишь? Где здесь выход на улицу? Покажи лестницу. Мне нужно вызвать такси.

Она дернулась было встать, но мужчина преградил дорогу, выставив вперед свободную руку.

— Сидеть, — отрезал он тоном, каким приказывают непослушным собакам. — Кто такой такси, я не знаю. Но я знаю, что это платье принадлежало моей бабке, графине Мари-Элеоноре. Оно исчезло из склепа сорок лет назад вместе с казной рода, когда старый замок брали в осаду бунтовщики. И если ты утверждаешь, что просто нацепила его в какой-то своей неведомой башне…

Он наклонился ближе. Пламя коптилки обдало ее лицо жаром и копотью.

— Значит, ты либо воровка, нашедшая схрон, либо самозванка, подосланная кредиторами, чтобы выставить меня умалишенным перед судебными приставами.

— Да пошел ты со своими приставами! — сорвалась Алина, вскакивая на ноги. На этот раз она не удержала подол, наступила носком кроссовка на ткань, покачнулась и врезалась плечом прямо в его грудь.

Мужчина даже не пошатнулся — стоял как каменный столб. Но его ладонь машинально перехватила ее за талию, удерживая от падения. Их лица оказались в нескольких сантиметрах друг от друга. Алина отчетливо увидела серую полоску радужки в его глазах и мелкий белесый шрам, рассекающий левую бровь.

— Пусти, — процедила она сквозь зубы, упираясь ладонью ему в твердую, пропахшую табачным дымом грудь.

— Не раньше, чем я запру тебя на засов наверху, — холодно отозвался он. — Через три дня сюда прибудет ревизор лорда Вальтера с окончательной описью за долги. Если он найдет в моем подвале девку в родовых шелках, меня объявят мошенником и упекут в каторжную тюрьму до заката.

Он не стал слушать ее возмущения. Грубо перехватил за предплечье выше локтя и буквально потащил за собой к узкой лестнице. Алина спотыкалась, наступала резиновыми носами кроссовок на тяжелый, стелющийся по грязи жаккард и шипела от бессильной ярости. Вывернуться не получалось: пальцы мужчины держали намертво.

Они вывалились на верхнюю площадку. Хозяин плечом навалился на низкую дубовую дверь, обитую полосами ржавого железа. Та поддалась с протяжным визгом петель.

В лицо ударил сухой, стылый сквозняк. Пахло мышиным пометом, трухой и нетопленными печами. Впереди открылась длинная анфилада комнат с высокими стрельчатыми потолками. Ни мебели, ни портьер — только серые прямоугольники на выцветших стенах там, где когда-то висели картины. Ветер с улицы задувал в разбитые рамы, швыряя на рассохшийся паркет пригоршни дождевой мороси. Поместье выглядело не просто бедным — оно было выпотрошено до костей.

Алина машинально сжала в руке телефон. В голове билась только одна мысль: выбраться наружу, найти дорогу, добраться до людей.

— Слушай сюда, — начала она, пытаясь говорить спокойно, как с буйным подрядчиком. — Мне плевать на твои долги и твоего Вальтера. Отпусти меня, я выйду через парадную дверь и...

Договорить она не успела.

Снизу, со стороны парадного крыльца, донесся резкий хруст ломаемого дерева. Затем глухой удар, звон выбитого стекла и тяжелый топот подкованных сапог по плитам вестибюля.

Мужчина среагировал мгновенно. Он прижал фитиль коптилки пальцами, затушив пламя с тихим шипением. Галерея провалилась в серый предрассветный полумрак. Второй рукой он сгреб Алину за шиворот платья и без церемоний вдернул за массивный выступ каменной арки.

— Молчи, — обожгло ухо горячее, злое дыхание.

Она дернулась было скинуть его руку, но снизу, гулко раскатываясь под высокими сводами, ударил чужой, хриплый голос:

— Эй, Родерик! Вылезай, благородный голодранец! Мы решили не ждать твоего ревизора три дня. Забираем племенных жеребцов прямо сейчас, в счет будущих процентов!

В коридоре послышался пьяный хохот. По стенам скользнули рыжие отсветы смоляных факелов. Их было трое или четверо. Тяжелые шаги уверенно приближались к лестнице.

— Они не имеют права, — шепнул Родерик, и его пальцы на рукояти ножа побелели от напряжения. — Официальный срок до пятницы. Если они заберут коней, мне нечем будет расплатиться с казной.

— И ты собираешься выйти к четырем мужикам с одним ножиком? — так же тихо, сквозь зубы спросила Алина. Страх наконец вытеснил раздражение: эти типы снизу явно пришли не разговаривать. — Они тебя просто прирежут.

— Это мой дом, — отрезал он.

— Твой дом превратился в руины, герой!

Шаги уже гремели на ступенях. Ближний наемник, здоровенный детина в засаленной кожаной безрукавке, поднялся на галерею, держа факел над головой. Пламя трещало, выхватывая из темноты пустые рамы и голый пол.

В кулаке Алины противно и мелко завибрировал корпус смартфона.

Она похолодела. Экран ожил сам: яркая белая плашка системного таймера с надписью «Проверить свет на банкете» начала пульсировать. Алина лихорадочно ткнула пальцем в боковую кнопку, пытаясь сбить сигнал, но палец соскользнул по гладкому стеклу.

На весь пустой, гулкий коридор загремел резкий, пронзительный электронный звонок будильника.

Звук был настолько чужим для этого мертвого каменного дома, что наемники замерли на месте, как вкопанные. Смех оборвался.

— Что это?.. — сипло выдавил здоровяк с факелом, выставив вперед короткий тесак. — Кто здесь?

Родерик рядом с Алиной замер, ошарашенно глядя на светящийся прямоугольник у нее в руках. В его взгляде мелькнул суеверный ужас. Но Алина, всю жизнь разруливавшая форс-мажоры на стройках и корпоративах, среагировала раньше, чем успела подумать.

Терять было нечего.

Она выпрямилась во весь рост, шагнула из-за каменной арки прямо в круг света от факела и выставила телефон перед собой, включив вспышку на максимальную яркость.

Белый диодный луч прорезал полутьму галереи, ударив главарю точно в глаза. Здоровяк взвыл, выронил тесак и инстинктивно закрылся локтем. В роскошном шелковом платье, перепачканная подвальной пылью, с горящим мертвенным светом в руке, Алина выглядела как оживший ночной кошмар.

— Назад! — рявкнула она командным, поставленным голосом, от которого на стройках замирали бригады отделочников. — Пошли вон из дома!

Наемники шарахнулись к лестнице, ослепленные и ошарашенные. Но второй грабитель, коренастый тип с арбалетом за плечом, проморгался быстрее остальных. Он опустил взгляд ниже ослепляющего луча, и его узкие глаза хищно расширились, уставившись на золотую вязь на подоле ее платья.

— Стой, дурень! — гаркнул он на главаря, срывая с плеча оружие. — Это не призрак! Это баба! И на ней то самое платье, за которое Вальтер обещал сотню золотых! Живьем бери обоих!

Родерик с глухим рыком выскочил из тени, заслоняя Алину собой, но наемник уже вскинул арбалет и взвел тугую железную скобу прямо им в грудь.

Глава 3

Щелчок взведенной тетивы прозвучал суше и громче удара хлыста.

Родерик шагнул вперед, закрывая Алину плечом. Его короткий охотничий нож против тяжелого пехотного арбалета выглядел сущей нелепицей, но хозяин дома даже не дрогнул. Он пригнулся, готовый броситься на стрелка до того, как тот успеет спустить курок.

Алина среагировала быстрее, повинуясь рефлексу самосохранения.

Вместо того чтобы пятиться в темноту, она резко опустила телефон чуть вниз и дважды быстро заблокировала и разблокировала экран, ударив стробоскопической серией белых вспышек прямо по наемнику с арбалетом.

— Брось оружие, урод! — рявкнула она, вкладывая в голос всю ярость, накопившуюся за эту безумную ночь.

Стрелок инстинктивно зажмурился, чертыхнулся и дернул спуск на полсекунды раньше, чем успел выровнять прицел.

Короткий толстый болт с глухим свистом прошил воздух в десятке сантиметров от уха Родерика и с треском вонзился в дубовую филенку запертой двери за их спинами. Дерево раскололось вдоль волокон, осыпав шелк платья Алины мелкими колючими щепками.

В эту же секунду Родерик метнулся вперед.

Никакого благородного фехтования не было: он влетел в арбалетчика низкой торпедой, сбив того с ног и впечатав затылком в каменные плиты пола. Раздался глухой стук кости о камень, переходящий в сдавленный хрип. Арбалет с грохотом отлетел к стене.

Главарь наемников, верзила с ослепленными глазами, наконец проморгался от яркого света фонарика.

— Сука!.. — взревел он, нащупывая оброненный тесак на полу.

Позади него на лестнице шумели еще двое: звякало железо, тяжелые подкованные подошвы месили грязь на ступенях.

Алина поняла, что через десять секунд их просто раскатают по этому коридору.

Она не стала изображать из себя воина. Прямо перед ней на массивной дубовой тумбе стоял тяжелый бронзовый канделябр — оплывший, зеленый от вековой патины, но весивший добрых килограммов пять. Алина ухватила его обеими руками за холодное основание, оперлась кроссовком о ножку тумбы и с разворота швырнула кусок металла вниз по ступенькам лестницы.

Грохот вышел чудовищный. Бронзовая махина пересчитала каменные ступени, с глухим хрустом врезалась в колено поднимавшемуся следом бандиту, и тот с отборной матерной руганью полетел спиной назад, увлекая за собой последнего напарника. Снизу послышалась возня, звон опрокинутых железных ведер и вопли покалеченного наемника.

— Назад, в переход! — крикнул Родерик, вскакивая на ноги. На его разбитом кулаке темнела кровь, а губа была рассечена.

Он не стал церемониться, схватил Алину за руку выше локтя и дернул в узкую боковую дверь, мимо расколотой арбалетным болтом филенки. Алина едва успела подобрать пышные складки платья свободной рукой, чтобы не рухнуть на повороте.

Они влетели в тесный служебный коридор. Родерик тут же захлопнул тяжелое полотно двери и загнал в пазы толстый кованый брус засова. Железо лязгнуло, вставая на место.

В ту же секунду с той стороны в дверь с разбегу ударилось тяжелое тело главаря. Дерево затрещало, но выдержало.

— Открывай, щенок! — донесся глухой, взбешенный рев. — Вы отсюда живыми не выйдете! Дом подожжем вместе с вами и твоей бабой!

Родерик тяжело дышал, привалившись плечом к запертой двери. По его лицу, смывая пыль и копоть, катился пот.

— Не подожгут, — бросил он тихо, скорее для себя, чем для Алины. — Здесь камень и мокрый дуб. Только копоти напустят.

Алина прислонилась спиной к шершавой штукатурке стены, чувствуя, как мелко и противно дрожат икры в кроссовках. Сердце колотилось где-то в горле. Адреналин постепенно отступал, уступая место злой, ноющей усталости. Рука, державшая телефон, затекла. Она бросила быстрый взгляд на стекло: батарея показывала двадцать девять процентов. Экран погас, переводя устройство в режим энергосбережения.

Вокруг снова сгустилась полутьма, разбавленная лишь серым утренним светом, пробивавшимся сквозь узкие вентиляционные щели под потолком.

— Кто это был? — спросила Алина. Голос после крика звучал хрипло и надтреснуто. — Ты сказал, что ревизор приедет через три дня. Это твои ревизоры?

Родерик вытер тыльной стороной ладони разбитую губу, поморщился и только сейчас по-настоящему посмотрел на нее. В его серых глазах больше не было прежней слепой ярости хозяина, застигнутого врасплох. Там появилось жесткое, холодное недоумение.

— Это люди Брога, начальника псарей барона Вальтера, — ответил он, медленно выпрямляясь. — Сам Вальтер марать руки не станет. Он прибудет в пятницу, в карете, с гербовой печатью и судейским чиновником. Чтобы забрать поместье за треть цены по закону. А эти… эти явились украсть коней заранее. Если скота не будет в описи, долг вырастет еще на полсотни золотых.

— И ты собирался встречать их в одиночку?

— А у меня был выбор? — огрызнулся он. — Слуги сбежали две недели назад, когда поняли, что жалованья к зиме не будет. В замке остался только глухой конюх да старая кухарка Марта.

Алина шумно втянула носом воздух. От платья пахло гарью и пылью, от Родерика — железом и чужой кровью.

— Выбор есть всегда, — холодно отрезала она, расправляя замятый на боку шелк. — Первый пункт любого кризисного плана: оценить остатки ресурсов, а не махать кухонным ножом перед арбалетом. Где мы сейчас находимся?

Родерик хмыкнул, скривив разбитые губы:

— На кухонной лестнице старого флигеля. Сюда они не сунутся, пока не найдут таран или топор. Брус выдержит какое-то время.

— Отлично. Веди на свою кухню.

Он нахмурился, оглядывая ее с головы до ног: перепачканное бальное платье за бешеные деньги, взлохмаченные темные волосы, торчащие из-под шелка белые носки с кроссовками и светящуюся черную плитку в руке.

— Зачем?

— Затем, что если меня не убьют твои бандиты, я сдохну от обезвоживания и голода, — процедила Алина, делая шаг вперед по узкому проходу. — А потом мы сядем и по пунктам посчитаем, сколько ты должен своему барону, что у тебя еще не сгнило и почему они так испугались этой тряпки на моих плечах.

Родерик замер на мгновение, будто решая, не придушить ли ее прямо здесь за дерзость. Но взгляд его упал на брошенный в коридоре тяжелый засов, выдержавший напор бандитов, затем на ее прямое, несгибаемое плечо.

Он молча развернулся и зашагал вниз по винтовым каменным ступеням.

Кухня оказалась огромной, полутемной пещерой с низким сводом, закопченным очагом в половину стены и длинным столом из неструганых дубовых плах. На столе валялись засохшие хлебные корки, глиняные черепки и пара пустых заплесневелых кувшинов. В воздухе стоял стойкий запах кислого теста и золы.

В дальнем углу, у потухшего очага, скорчилась сухонькая старуха в засаленном чепце, прижимая к груди ржавую чугунную кочергу. Увидев Родерика, она мелко закрестилась, а когда следом за ним из сумрака выплыла Алина в шелках, старуха и вовсе беззвучно шлепнулась на колени прямо в золу.

— Вставай, Марта, — устало бросил Родерик, подходя к каменному умывальнику в углу. Он зачерпнул медным ковшом воды из деревянной бадьи, жадно выпил половину, а остаток выплеснул себе на разбитое лицо. — Привидений нет. Это… гостья.

Алина подошла к столу, брезгливо смахнула пальцем слой серой пыли и посмотрела на хозяина усадьбы.

— Вода чистая? — спросила она.

— Из колодца во внутреннем дворе, — он вытер лицо рукавом рубахи. — Пить можно.

Алина налила себе полковша, сделала несколько жадных глотков, чувствуя, как ледяная влага приятно обжигает пересохшее горло, и со стуком поставила медь на стол.

— Теперь к делу, — она положила смартфон на середину стола экраном вверх, развернув его к мужчине. — Ты сказал там, наверху, что за это платье твой барон дает сотню золотых. Почему?

Родерик медленно подошел к столу, оперся на него кулаками и тяжело посмотрел ей в глаза.

— Потому что на Вальтере висит долг перед гильдией скупщиков, — глухо ответил Родерик, не отводя взгляда. — Это платье — последняя уцелевшая вещь из приданого моей бабки. Лионский шелк ручной работы с золоченой канителью. Такую ткань больше не делают, мастеров перебили в прошлую смуту. Вальтер хвастался в трактире, что сорвет этот шелк со стен склепа и продаст ювелирам на вес, лишь бы заткнуть свои дыры до осенней ярмарки. Для него это просто быстрые деньги, которые он уже посчитал своими.

Алина опустила взгляд на разорванный подол. Пыль въелась в складки, но плотная ткань держала форму, как тяжелый брезент.

— Значит, он на мели не меньше твоего, — сухо подытожила она, присаживаясь на край расшатанной скамьи. — Просто у него есть свора наемников с железом, а у тебя — пустые погреба и разбитая губа.

— Я владею этими землями по праву крови, — в голосе Родерика прорезалась привычная спесь, но плечи его безнадежно опустились. — Мой род держал этот перевал триста лет.

— Твое право крови закончится, когда приедет судебный чиновник, — перебила Алина. Говорила она ровно, выбивая из него остатки благородной гордости, как привыкла делать на проектах с нерадивыми работниками. — Давай начистоту. Сколько у тебя чистого долга? Без процентов, без штрафов за коней.

Родерик скривился, словно от зубной боли:

— Триста сорок серебряных марок — основная закладная. И еще шестьдесят — задержка выплат за два года. Казна требует погасить хотя бы четверть наличными. Если в пятницу на стол не ляжет сотня марок серебром или золотой эквивалент, замок и угодья опечатают, а меня отправят отрабатывать долг на каменоломни.

— Сколько у тебя есть прямо сейчас?

Мужчина горько усмехнулся, запустил руку в карман потертых штанов и швырнул на стол три тусклые медные монеты с неровными краями. Они сиротливо звякнули о дерево.

— Вот всё. Даже конюху на табак не хватит.

Старуха у очага тихо всхлипнула, пряча лицо в грязный фартук.

Алина посмотрела на медяки, затем перевела взгляд на темные своды кухни, на толстенные балки перекрытий, на полуразрушенный очаг, способный вместить целого быка. Перед ней был колоссальный объект недвижимости с нулевой ликвидностью, запущенным управлением и критическим дедлайном. Классическая схема банкротства. Разница была лишь в том, что вместо приставов явились псари с тесаками.

— Твой дед был дураком? — внезапно спросила она.

Родерик дернулся:

— Следи за языком!

— Отвечай на вопрос, — отрезала Алина, даже не моргнув. — Твой дед отгрохал эту махину. Держал перевал, брал пошлину с рудников, пережил две смуты и оставил поместье, в котором стены толщиной в два метра. Человек с такими ресурсами не мог просто пропить все подчистую и оставить внуку три медных гроша.

— Было восстание, — глухо заговорил Родерик, глядя в темный угол. — Сорок лет назад мятежники сожгли прииски, перебили охрану и осадили замок. Дед заперся здесь. Семью успел отправить на побережье, но казна исчезла. Все решили, что ее разграбили, когда штурмовали южные ворота. Дед умер от ран через неделю после осады, так ничего и не сказав. Отец искал золото двадцать лет. Перерыл все погреба, сломал полы в конюшнях — ничего.

— Потому что искал как вор, а не как хозяин, — Алина мерно постучала ногтем по столешнице. Мысли выстраивались в четкую рабочую цепочку. — Где архив дома? Старые счета, амбарные книги, чертежи перестроек?

— Зачем тебе чертежи? — Родерик нахмурился.

— Затем, что золото не растворяется в воздухе. Если твой дед не успел вывезти сотни фунтов металла на телегах через осажденные ворота, значит, они все еще здесь. Замурованы, спрятаны в перекрытиях. Чтобы найти полость, не нужно долбить все стены подряд — нужно сравнить внешние габариты здания с внутренними объемами комнат.

Родерик смотрел на нее так, будто она заговорила на мертвом языке.

— Бумаги… отец свалил все записи в библиотеке западного крыла, — неуверенно произнес он. — Там тридцать лет никто не убирался. Крыша течет, книги гниют.

— Значит, начнем оттуда, — Алина решительно встала. Ноги в коленях неприятно ныли, шелк платья мешал двигаться, а на спине саднило расцарапанную кожу. — Но сначала условия. Я не знаю, как и почему я провалилась в твой подвал из Москвы. Но пока я здесь, мне нужно выжить. Ты даешь мне чистую одежду, нормальную обувь, кров и безопасность. Я организую тебе выживание в этой дыре. До пятницы в идеале мы находим тайник твоего деда, отбиваемся от ревизора и закрываем долг. Если я справлюсь, ты найдешь мне способ вернуться домой или обеспечишь средствами, чтобы я не пропала. Договорились?

Она протянула ему открытую ладонь — жест делового соглашения, естественный для нее и дикий для него.

Родерик посмотрел на ее тонкую руку, перепачканную сажей, потом перевел взгляд на ее лицо. В ее глазах не было ни страха, ни покорности.

Он медленно протянул свою широкую, покрытую мозолями ладонь и сжал ее пальцы.

— По рукам, — сказал он хрипло. — Марта! Притащи из сундука рабочее платье экономки. И сапоги на мягкой коже, что остались в кладовой.

Старуха торопливо закивала и посеменила в темноту коридора.

Снаружи, за запертыми ставнями кухни, загрохотал гром. Занималось серое, дождливое утро.

Алина подошла к узкому стрельчатому окну, протирая пальцем мутное, покрытое вековой грязью стекло. Перед ней открывался огромный внутренний двор, заросший чертополохом и бурьяном. Каменные плиты потрескались, конюшни слева зияли проваленными крышами, а в дальнем конце двора высилась глухая стена западного крыла.

Она молча смотрела на эту серую, блестящую от дождя громаду. Масштаб катастрофы наконец-то оформился в конкретные объемы. Гектары бурьяна, провалившиеся перекрытия, десятки комнат, заваленных вековым мусором. Ей предстояло не просто провести аудит. Ей предстояло вывернуть этот огромный мертвый дом наизнанку за семьдесят два часа.

Позади тихо шаркнули шаги. Старая Марта робко положила на край стола стопку чистого, пахнущего сушеной мятой полотна и пару стоптанных мягких сапог.

Алина отвернулась от окна. Родерик так и сидел за столом, тяжело опираясь локтями о неструганые доски, и хмуро смотрел на свои пустые руки.

— Значит так, — Алина подошла к столу и решительно взялась за край разорванного лифа, собираясь скинуть с себя тяжелый, расшитый золотом шелк. — Я переодеваюсь, и мы приступаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.